

не просто параграфъ теоріи словесности,—вы чувствуете, что эта аналогія корнемъ своимъ имѣть конгеніальность Толстого и природы, какую-то вѣщую родственность его съ нею. Не только онъ — человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, но здѣсь и большее: та предѣльная высота, до которой никакъ не можетъ досягнуть нашъ притязательный антропоцентризмъ и съ которой передъ умудренными глазами стихійнаго старика, дяди Ерошки и создавшаго дядю Ерошку, разстилается единая міровая цѣлостность, великое Все, то, что не знаетъ существенной разницы между реپьемъ и героемъ, между былинкой и человѣкомъ. Вѣдь недаромъ Толстой свою литературную дорогу прошелъ отъ Наполеона и до Холстомъра. Не только все разнообразіе, всѣ возможности человѣческой психологіи, но и весь Божій міръ вообще служилъ объектомъ для его художественного энциклопедизма. Конь и собака на охотѣ, и дерево, срубленная ясенка и сорванный репей — все говорило ему, и, можетъ быть, все это говорило его древнему слуху одно и то же, нѣкую общую истину и мудрость.

Въ послѣдней стычкѣ русскихъ съ Хаджи-Муратомъ лошадь, раненная въ голову, „треща по кустамъ, бросилась къ другимъ лошадямъ и прижалась къ нимъ, поливая кровью молодую траву“: какъ это трогательно! и развѣ ея жалко менѣше, чѣмъ людей, и въ единствѣ боли и страданія, въ струяхъ общей крови, орошающей траву, развѣ не